

наблюдаться в Турции после активизации в 50-х гг. XX в. миграционных процессов из сел в крупные города. Во-вторых, значительному увеличению количества образованных женщин в Турции до 1980-х гг. мешала нестабильная экономическая ситуация. Возможно, что в силу этих неблагоприятных факторов среднее число студенток в этой стране по состоянию на 1982 г. было в разы меньше, чем студентов.

Таким образом, диспропорция по числу безграмотных женщин между Турцией и Южной Кореей с каждым годом растет в пользу последней. Причем снижение этого показателя среди женщин происходит медленней, чем среди мужчин. Эти изменения связаны прежде всего со значительным развитием динамики в Южной Корее и относительно плавным ростом этого показателя в Турции. Согласно статистике ЮНЕСКО, к 2010 г. Южной Корее удалось практически справиться с проблемой безграмотности среди женщин, что привело к еще большей, шестикратной диспропорции по сравнению с Турцией, что связано с экономическими проблемами последней в целом. Ведь чем хуже финансовое положение в семье, тем раньше сыновья идут работать, а дочери выходят замуж, из-за чего вопрос получения образования становится второстепенным.

А. П. Ярков

*Институт гуманитарных исследований
Тюменского государственного университета*

О месте Китая в исторических преданиях о распространении ислама в Западной Сибири

Приверженцы ислама в Китае появились в XIII в., когда затухающий Великий шелковый путь своим самым северным ответвлением едва затронул пространства Западной Сибири. Одновременно с юга, из Центральной Азии сюда пришли мусульмане-купцы, монополизировавшие караванную торговлю и распространявшие свои религиозные идеи. По крайней мере, еще ал-Гардизи (Gardizi / Gurdezi) замечал, что «из страны арабов Даши к кыргызам [енисейским] каждые

три года приходил караван из 20 верблюдов, нагруженных вышитыми золотом шелковыми тканями»¹. Известно также, что в XIII–XIV вв. на Саяно-Алтае возникли первые их фактории².

К аналогичному выводу пришел и Д. С. Маркус, анализируя данные погребений по мусульманскому обряду еще восточнее, близ устья Барлыка — караванного пути в Китай³. Именно он стал первым импульсом для распространения идей и предметов, несущих отпечаток исламской культуры. Купцы демонстрировали успешность развития ремесел и переход к новым технологиям, идеологически обеспеченные исламом, который поощрял новации.

Возможно, эти миссионеры чувствовали превосходство над встреченными ими по пути «язычниками», не способными ни в религиозно-культурной, ни в материальной сфере состязаться с достижениями исламской цивилизации. Но чем шире в представлении миссионеров была культурная дистанция, тем более деструктивными оказывались их попытки навязать населению новые ценности.

Другой подход к выявлению первоначальной фазы ислама связан с возникновением первого государства и его мифологем: мифологическое сознание иногда приписывает вещам или географическим местностям несвойственные им качества или же, наоборот, повествует о реальных явлениях и событиях, которые не отражены в документах и не подтверждаются материальными артефактами.

Исследователи не раз отмечали, что проблема становления, развития и взаимоотношений государственных образований, сформировавшихся на территории региона, остается недостаточно разработанной, хотя в минувшие десятилетия существенно возросло число публикаций, в том числе посвященных теоретическим моделям⁴. Так, Л. И. Шерстова указывала: «...процессы государствообразования

¹ Даркевич В. П. Аргонавты Средневековья. М., 1976. С. 48; Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-Тас у села Копены // Тр. Гос. ист. музея. Вып. 11. Сб. ст. по археологии СССР. М., 1940. С. 25.

² См.: Худяков Ю. С. Горный Алтай в монгольское время: Политическая и этнокультурная ситуация в Горном Алтае в XI–XIV вв. // История Республики Алтай: в 2 т. / под ред. А. П. Деревянко. Горно-Алтайск, 2002. Т. 1. С. 232.

³ См.: Тува: словарь культуры / автор-сост. Д. С. Маркус. М., 2006. С. 221.

⁴ См.: Ислам на краю света: История ислама в Западной Сибири: в 3 т. / А. П. Ярков (ред.), И. Б. Гарифуллин, Г. Л. Файзрахманов и др. Тюмень, 2007. Т. 1: Источники и историография. С. 36–40.

часто опережают в конкретных случаях сложение реального этнического единства — нередко под влиянием внешних факторов и идей... Государственная унификаторская политика и конфессия сглаживают еще реально существующие этнографическую специфику, региональные обособления, ментальные противоречия и насаждают общие правила и установки, единое мировоззрение, стараясь сплотить еще аморфный, без четкого этнического самосознания этнос (или этносы)»⁵.

Т. Ш. Уметбаев односторонне подошел к сложнейшему процессу образования государств и проигнорировал присущий кочевникам дух экспансии, а также природные катастрофы и эпидемии. Эта точка зрения предполагает цикличность сменяющих друг друга земледельческих и кочевнических политических образований, между тем как не во всех регионах ойкумены обитали земледельцы, и иные номады даже не имели цели создания государств, но утверждал: «...в Степи действовала закономерность, при которой кочевая империя сменялась сильной раздробленностью, которая, в свою очередь, уступала место кочевой империи, какими были хуннская, сяньбийская, жуаньская, тюркская, уйгурская, монгольская орды. Это было следствием этнической неустойчивости — неписаного закона Великой Степи, характерного для I-го типа кочевания. Кочевая империя, которая создается на определенный срок, укрепляет кочевников и ослабляет соседнюю земледельческую империю, приводя ее на грань катастрофы. В результате она распадается, создавая возможность наступления империи земледельческой. Когда эта модель начинает угрожать существованию кочевых этносов, те вновь оказываются на фазе этнической консолидации, что способствует образованию кочевой империи. Но при создании этой империи важно не распылить этнос и сделать его наиболее жизнеспособным, что и осуществили тюрки, вобрав впоследствии огромные массивы Центральной, Средней и Малой Азии, Поволжья и Сибири, и чего не смогли сделать монголы Чингизхана»⁶.

⁵ *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 6.

⁶ *Уметбаев Т. Ш.* Создание этнических условий принятия ислама среди тюркских народов // *Ислам, общество и культура : Исламская цивилизация в преддверии XXI века : (К 600-летию ислама в Сибири) : материалы междунар. науч. конф.* Омск, 1994. С. 170–171.

Следует учитывать, что эта точка зрения поддерживается отнюдь не всеми исследователями кочевой государственности. Т. Дж. Барфилд обосновал абсолютно иную модель формирования кочевых империй, в частности в Монголии. На примере их взаимодействия с Китаем он предположил, что циклы государствообразования у кочевых народов совпадают с аналогичными в соседнем оседлом Китайском государстве. По его мнению, именно возможность извлечения стабильной и значительной внешней прибыли из такого централизованного государства, причем при помощи чередования военных и политических методов, стабилизирует существование оседлых политий⁷.

Несомненно, что именно организация активной внешней политики была неотъемлемой функцией и задачей любого кочевого лидера, мечтавшего удержать под своей властью разношерстную кочевую элиту. Само кочевничество, заметим, не является симптомом хаоса, который, согласно синергетическому подходу, предполагает последующее возникновение порядка внутри самой системы.

Когда рядовые члены общества не могут остановить падение уровня и качества жизни даже за счет интенсификации хозяйственно-экономической жизни и использования ресурсов природы, общество делегирует свои права. Тогда новый государственный строй застает население уже сплоченным в известные общественные союзы и находит готовый фонд правовых идей, способных повлиять на государственное устройство, в нормах, которые определяют строй этих союзов⁸.

По мнению В. П. Костюкова и Ж. М. Сабитова, уже в ходе реформ Берке-хана в 1360-х гг. среди принявших ислам Джучидов упоминаются дети Бахадура, сына и преемника Шибана, Кутлуг-Бука и Джочи-Бука⁹. Известно, что в первой четверти XIV в. Узбек-хан провозгласил ислам в качестве государственной религии, скорее всего при непосредственном влиянии значительной группы богатых

⁷ Барфилд Т. Дж. Опасная граница : Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). СПб., 2009.

⁸ Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910. С. 44–45 ; Кульпин Э. С. Путь России. М., 1995. С. 104.

⁹ Сабитов Ж. М. Берке и его правление в Золотой Орде // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сб. науч. ст. памяти В. П. Костюкова. Астрахань, 2011. С. 166–167.

купцов¹⁰. Исламизация в этот период оказала влияние в основном на близкую к правительству элиту, в то время как рядовое население, особенно на периферии, фактически не претерпело никаких изменений в религиозной сфере¹¹.

О попытке более широкого распространения ислама, происходившей в это же время, можно сделать заключение по косвенным данным источников. Так, Махмуд ибн Вали отмечал:

Когда круг вращения жизни Джочи-Бука замкнулся в центре кончины, старший из его сыновей Бадагул-оглан утвердился на троне правления. Холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории. Сверканием разящего меча, несущего огонь, он изгнал со всей территории страны мрак угнетения, сгустившийся в той области... [но] свеча жизни... была задута [взмахом] края вражеского рукава¹².

С точки зрения автора-мусульманина описываемые события можно трактовать как попытку исламизации, хотя датировка правления этого хана из династии Шибанидов (شېبانی), к чьим территориям частично относилась Сибирь, является весьма дискуссионной. В целом, по счету поколений, ее можно отнести к концу XIII — началу XIV в., т. е. приблизительно к периоду религиозной реформы Узбека.

Попытки исламизации населения предпринимались и в более позднее время, вплоть до начала Великой Замятни в Золотой Орде, однако до середины XV в. массового принятия ислама в среде рядового населения не происходило¹³.

¹⁰ Хабитова Э. А. Феномен городской культуры Золотой Орды в контексте степного права // Проблемы города в культурной антропологии: история и современность (III Колосницынские чтения) : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2006. С. 136.

¹¹ Кульпин Э. Золотая Орда : Проблемы генезиса Российского государства. М., 2006. С. 41–42.

¹² Цит. по: Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.: (извлечение из персидских и тюркских соч.) / сост.: Ибрагимов С. К., Мингулов Н. Н., Пищулина К. А., Юдин В. П. Алма-Ата, 1969. С. 348.

¹³ См.: Маслюженко Д. Н. Исламизация Сибирского улуса: к вопросу хронологии // Сибирь на перекрестке мировых религий : материалы III межрегион. науч.-практ. конф., посв. М. И. Рижскому. Новосибирск, 2006. С. 90–93.

Для детализации событий значимо определить достоверность имен и мест, и в этом отношении важны две рукописи под общим названием «Шейх Баховуддин шайхларнинг гарбий Сибирдаги диний жасоратлари», переведенные Н. Ф. Катановым¹⁴ и хранящиеся в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (ТГИАМЗ)¹⁵.

Из-за враждебного отношения местного населения, сопротивлявшегося исламизации, 300 из 366 пришедших из Центральной Азии шейхов и 1448 из 1700 сопровождавших их воинов погибли в ходе «великого сражения за веру», «стяжав мученический венец». Только три миссионера обосновались среди сибиряков, обучая их исламу, а 63 шейха вернулись на родину, оставив край в «объятиях язычества».

Судя по легендам, причины несовместимости — в «культурном шоке» от ценностей и образа жизни сибирского социума (состоявшего из охотников и рыбаков, собирателей дикоросов и кочевников-скотоводов), который испытали пришельцы. Не готовым к внедрению ислама оказалось и население Алтая, даже не зафиксировавшее легенды о миссионерах.

Продолжая повествование о походе XIV в., автор описал задачи, поставленные Багау-ль Хакк ад-Дином по отношению к сибирякам:

Все они были татары, поклонявшиеся куклам. Теперь вам мое приказание: приглашайте их к исповеданию ислама. Если они вашего приглашения не примут, то учините с ними великую войну за веру!

¹⁴ Для удобства сравнения авторы используют термин «катановский» текст и не склонны согласиться с мнением Р. Х. Рахимова, что в ТГИАМЗ хранится литературно обработанный Катановым текст рукописи. См.: *Рахимов Р. Х.* Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень, 2006. С. 11. Н. Ф. Катанов в своем переводе размещает и арабографический текст, что позволяет другим исследователям и переводчикам предложить собственную трактовку.

¹⁵ В 2005 г. был обнаружен и оригинальный текст. Рукопись в стиле XVIII в. явно представляет собой текст, неоднократно переписанный с более ранних списков. Об истории поисков см.: *Белич И. В., Селезнев А. Г., Яхин Ф. З.* Письменные источники по исламизации Сибири // VI конгресс этнографов и антропологов России. СПб., 2005; *Белич И. В.* Письменные источники по истории исламизации Сибири // Исламская культура в Волго-Уральском регионе: Второй Междунар. симп. Казань, 2005.

Шейхи поклялись: «Ваше приказание с честью будет исполнено!» и, получив от хана Шибана (якобы отправившегося с ними) 1 700 конных всадников сопровождения, пришли в Сибирь, где «учинили великое сражение, так как местное население ислам добровольно не приняло».

По берегам Иртыша якобы не осталось ни оврага, ни речки, ни болота или озера, где бы ни шли сражения: «Во время битвы среди посланников шейха Багау-д-дина и местных тюрок погибло множество людей». Тем не менее, сказано: «большинство язычников и татар приняли ислам». С этим трудно согласиться, а представленная мифологическая картина мира отражает лишь одну из ипостасей архаичного мировоззрения. В XIV в. местные тюркоязычные группы не могли иметь самоназвания *татары*, кроме того, упоминается, что «часть их (т. е. несогласных принять ислам. — А. Я.) сбежала обратно в Китай»¹⁶.

Логично предположить, что рукопись содержит точку зрения не местного уроженца, а пришлого, для которого житель мифологической Тартарии, соседствующей с Китаем, являлся *чужим*. Отношение к местным жителям, «поклонявшимся куклам», как к неполноценным людям отражает неприятие со стороны миссионеров ценностей сибиряков. Культурные различия и послужили главной причиной конфликтов, а также гибели или отъезда несостоявшегося интеллектуального ресурса края.

Заметим, что в источниках отмечаются многочисленные перемещения этнических групп по пространству Азии, однако события, связанные с миграцией в Сибирь большого количества людей из китайских земель, не могли остаться незамеченными со стороны китайских, монгольских, тюркских, индийских и персидских хроников. Между

¹⁶ Можно полагать, что под «Хатайской стороной» понимались китайские земли, однако можно говорить также и о мансийском хатань — «лебедь». Логично предположить, что в географическом и культурном смыслах ближняя Югра — «лебединная сторона» могла стать надежным прибежищем на сотню лет. Симптоматично, что фамилию Хатаневы манси выводят из имени хатань, которым они называют татар. См.: Алишина Х. Ч., Айтбаева Л. Х. Финно-угорские и татарские языковые контакты в антропонимии междуречья Нижней Оби и Иртыша // Сулеймановские чтения : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тобольск, 2009. С. 85.

тем подобных свидетельств пока не обнаружено. Таким образом, указание на Китай и Али, которое имеется в легендах, не имеет достоверного характера. Скорее всего, под «бегством в Китай» понимается не точная географическая ориентировка, а метафорический образ «бегства» в отдаленные места.

Таким образом, можно поставить под сомнение, что 797 г. (1394/1395 гг. от Р. Х.) «в азиатском мире стал годом начала всеобщего согласия с исламом», тем более что часть «язычников» мигрировала «в Китай», испытав сильный психологический стресс от разрушения привычного мировоззренческого «консенсуса» с прежними богами¹⁷.

¹⁷ Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежег: Tobol. губ. музея. Вып. 15. 1904. С. 19.